

«ЕВРАЗИЙСКИЕ ЦЕННОСТИ», ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ «КОЧЕВОЙ» ЦИВИЛИЗАЦИИ
И ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Н. В. Абаев¹

Аннотация: В связи с проблемой евразийских ценностей большую актуальность приобретают вопросы выявления этногеографического и историко-генетического центра формирования «кочевой» цивилизации как комплексного цивилизационного, хозяйственно-культурного и духовно-религиозного феномена. В современных геополитических условиях необходима выработка такой культурно-образовательной стратегии России, которая бы позволила с наименьшими потерями для национальной безопасности взаимодействовать с культурным наследием соседних цивилизаций.

Ключевые слова: Евразийские ценности, Евразия, цивилизации, кочевая цивилизация, геополитика, современность.

“EURASIAN VALUES”, SPIRITUAL AND CULTURAL HERITAGE
OF THE “NOMADIC” CIVILIZATION AND THE PROBLEMS OF
FRONTIER SECURITY OF RUSSIA

N. V. Abayev

Abstract: In connection with a problem of the Euroasian values the big urgency is got by questions of revealing of the ethnogeographical, historical and genetic center of forming of a “nomadic” civilisation as a complex of civilisational, economic-cultural and spiritual-religious phenomenon. In modern geopolitical conditions it is necessary to develop such a cultural-educational strategy of Russia which would allow cooperation with cultural heritage of neighboring civilisations with the least losses for national security.

Keywords: Euroasian values, Eurasia, civilisations, nomadic civilisation, geopolitics, present time.

Современный социокультурный транзит России-Евразии историко-генетически связан с феноменом кочевнических цивилизаций Цен-

¹ Абаев Николай Вячеславович – доктор исторических наук, профессор кафедры философии Тывинского государственного университета, заведующий лабораторией кочевых цивилизаций ТывГУ.
Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/122-eurasian-values.html

тральной Азии и Алтае-Байкальского региона. Он также имеет непосредственное отношение к одной из самых острых, актуальных проблем данного субрегионального историко-культурного и цивилизационного самодвижения, а именно – к проблеме культурной, информационной и образовательной безопасности, понимаемый нами в первую очередь как безопасность «евразийских ценностей», актуальных не только для нашей современности, но и более или менее отдаленному будущему.

Культурная, цивилизационная безопасность России в данном региональном аспекте предполагает формирование различных механизмов, обеспечивающих ее бытие, функционирование, воспроизводство на основе таких «евразийских ценностей», как высокий уровень самоорганизации (саморегулятивность), экологичность и стремление к достижению гармоничного баланса с природой, принципы социальной справедливости, общинность и привязанность к своей этнической территории, толерантность и интерэтничность (уважительное или терпимое отношение к иноэтническим духовно-культурным ценностям), универсализм и «космизм» мышления, традиционализм (или даже определенный консерватизм), примат духовных ценностей, этизация социальных отношений и т.д.¹

В работах историков-востоковедов, особенно последних десяти лет, существенное внимание уделяется не только проблемам критериев кочевнической цивилизации, ее этнокультурной вариативной специфики, но и вопросам определения ее ценностно-ориентационного ядра, а также ее местоположения, границ ее устойчиво-динамического бытия. В связи с проблемой евразийских ценностей большую актуальность приобретают также вопросы выявления этногеографического и историко-генетического центра формирования «кочевой» цивилизации как комплексного цивилизационного, хозяйственно-культурного и духов-

но-религиозного феномена в свете последних археологических исследований в Саяно-Алтае, в Восточном Туркестане и Притяньшанье. Эти данные позволяют более глубоко и полно исследовать роль «лесных народов» Алтае-Байкальского региона и Южной Сибири в становлении как ираноязычного скифо-арийского, так и «туранского» (тюркомонгольского, финно-угорского) компонентов центрально-евразийского кочевничества².

Алтае-Байкальский регион, входящий в суперрегион Центральной Азии, по терминологии Ю.В. Попкова, озвученной на Первой Международной научно-практической конференции «Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы», является «локусом», в котором и зародилась, по нашему мнению, как «кочевая» (точнее, пастушеская) цивилизация Центральной Азии, так и Евразийская цивилизация, хотя мы считаем, что в этот культурно-исторический и этногеографический регион непременно необходимо включать и всю Транс-Саянию, а также Циркум-Байкалию, включая Ленско-Якутский субрегион и Забайкалье.

В культурно-историческом, цивилизационном и этногеографическом смысле в Алтае-Байкальский регион необходимо включать в первую очередь территорию этнокультурного субрегиона Саяно-Алтая, на западе связанного с Приуральем, а на востоке – самым естественным образом переходящего в Циркум-Байкалию и далее на восток через Яблоновый хребет «перетекающего» в такую же горно-таежную зону Верховьев Амура, Большого и Малого Хингана вплоть до Северной Кореи. На западе этот весьма обширный горно-таежный, лесостепной регион, состоящий из хребтов Западного Саяна и Горного Алтая, не менее плавно переходит в горы и отроги Тянь-Шаня, а затем и в Приуралье на северо-западе; на юго-западе Алтай-Байкалия органично связана с горной областью Монгольского Алтая; на юге же вся Транс-

Саяния, включая Восточные и Западные Саяны и Тувинское нагорье, граничит с Северо-Западной Монголией, обладающей совершенно одинаковыми этногеографическими характеристиками. В связи с этим интересно добавить, что указанная лесо-степная зона, уходящая на востоке в горы и сопки Маньчжурии и упирающаяся в пограничную с Кореей священную как для корейцев, так и для маньчжуров гору Пектусан (китайское чтение иероглифов, обозначающих эту гору – «Байтоу-шань»; тюркск. «Байтау», бур.-монг. «Байтог», от урянх. «Байтаг»; ср. название священной для западных бурят горы Байтог), полностью укладывается в так называемый «Путь Мха» корейского ученого Дю Че-Хека, по которому протекали пути миграции оленеводческих этносов из Транс-Саянии в Северную Корею.

Ю. С. Худяков считает, что Центральная Азия как местоположение цивилизации «кочевников» (и один из ее историко-генетических центров) включает восточный ареал степного пояса Евразии от сибирской таежной зоны до пустыни Такла-Макан, Тибетского нагорья и бассейна р. Хуанхэ на юге, а также территорию от горной цепи Большой Хинган на востоке до степей центрального Казахстана на запад³.

Не оспаривая предложенный автором метод районирования, следует добавить, что в указанной зоне можно четко выделить этногеографический центр генезиса «кочевой» цивилизации тюрко-монгольских народов, который простирался от Восточного Тибета до Саяно-Алтая и Притяньшанья, т.е. до пересечения с «горизонтальной» линией Пути Мха, образуя гигантский треугольник, на территории которого и происходил синтез этнокультурных традиций таежных охотников и рыболовов, оленеводов и животноводов со «степными» культурами «классических» номадов, а также с древнейшими земледельческими культурами Хакасско-Минусинской котловины, Верховьев Хуанхэ,

бассейна Тарима и другими «оазисными» культурами Восточного Туркестана и Средней Азии.

В современных геополитических условиях весьма актуальными представляются вопросы выработки такой культурно-образовательной стратегии России в приграничных районах, которая бы позволила с наименьшими потерями для национальной безопасности взаимодействовать с культурным наследием восточно-азиатской конфуцианской цивилизации, а также и западно-азиатской мусульманской цивилизации, которые в последнее время ведут активное наступление на Российско-Евразийскую цивилизацию. Евразийское местоположение России между двумя континентами, играющими ключевую роль в диалоге культур Востока и Запада, обязывает ко многому, в том числе к особой стратегии в области образования, которая в идеале должна всемерно учитывать не только особенности этнокультурной и этнополитической ситуации внутри страны, но и ее геополитическое окружение.

В связи с этим важно отметить, что тэнгрианство и буддизм, лежащие в основе духовной культуры «кочевой» цивилизации Центральной Азии, вполне отвечают всем наиболее острым вызовам современности, поскольку идея самоорганизации и саморегуляции была в тэнгрианстве наиболее фундаментальным, центральным принципом, достаточно ярко выраженным в идее саморегулирующейся (и организующей) силы «Вечного Синего Неба», а в буддизме, как известно, принципы саморегуляции играли еще более важную роль, что привело к формированию в рамках всей буддийской цивилизации особой культуры психической деятельности, базирующейся на сугубо «евразийских» ценностях.

Важное практическое значение имеют также сами методы духовной медитации, психической саморегуляции и психотренинга, выработанные в этнокультурных традициях народов Центральной и Северо-

Восточной Азии в процессе взаимодействия тэнгрианства с буддизмом махаяны. Эти методы не только повышали уровень саморегулятивности представителей традиционных обществ «кочевников», но и вырабатывали такие морально-психологические качества, повышающие эффективность всякой социально-практической деятельности, как, например:

1) Чувство нераздельного единства человека и природы, распространение принципа моральной (кармической) ответственности за все содеянное человеком на всех «живых существ» без исключения, на всю «живую» природу. В некоторых школах буддизма «махаяны» вообще нет деления на «живую» и «не-живую» природу, поскольку вся она одухотворена и заслуживает «спасения».

2) Любая практическая деятельность рассматривается как форма йоги, т.е. как метод морально-психологического совершенствования (самосовершенствования). Отсюда полная погруженность в сам процесс деятельности, которая тем самым как бы одухотворяется и лишается морально-психологической «омраченности», обусловленной привязанностью к своему индивидуальному «Я» и к конечным результатам своего труда.

3) Разумный баланс между индивидуализмом и коллективизмом, принцип «срединного Пути» между всеми крайностями («золотая середина»).

4) Единство теории и практики, знания и действия. Отсутствие противоречия или разрыва между этими оппозициями.

5) Уважение к рациональному знанию и, вместе с тем, опора на интуитивную мудрость, интуитивное «схватывание» ситуации во всей ее противоречивой целостности.

6) Использование в деловой культуре и вообще во всей практической деятельности различных прогностических систем (например, так называемых «стратагем» в странах Восточной Азии).

7) Творческий подход к решению любой ситуационной задачи: Любое действие совершается в порыве творческого «озарения» (инсайта) и вдохновения.

8) Достижение спокойствия ума и адекватности восприятия, концентрация сознания на решение конкретных текущих задач, сохранение этих качеств в гуще самой активной жизнедеятельности (например, в процессе занятия боевыми единоборствами).

9) Отсутствие «центрированности» на своем собственном индивидуальном «Я», адекватность и гибкость реакции на стрессогенные средовые воздействия, острота и свежесть восприятия.

¹ Подробнее см.: Абаев Н.В. Ранние формы религии и этнокультурогенез тюрко-монгольских народов. Кызыл: Изд-во ТывГУ, 2005; Абаев Н.В. Цивилизационная геополитика народов Алтай-Байкальского региона и Центральной Азии. Кызыл: Изд-во ТывГУ, 2007; Абаев Н.В., Фельдман В.Р. Этноконфессиональные традиции и экологическая культура народов Центральной Азии и Алтае-Байкальского региона. Кызыл.: Изд-во ТывГУ, 2007; Фельдман В.Р. Кочевые цивилизации: критерии выделения и генетическая структура // Материалы научной конференции: «Этносоциальные процессы в Сибири». Выпуск 5, Новосибирск, 2003.

² См.: Абаев Н.В., Харнахоев В.Х. Центральная Азия – колыбель Евразийской цивилизации. // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия: Материалы и тезисы докладов к Международной научно-практической конференции: Иркутск, 24-27 мая 2000г.: В 2т./ Под ред. В.И. Дятлова и В.П. Олтаржевского. Иркутск: Издательство «Оттиск», 2000. Т.2. С. 4-9; Абаев Н.В., Фельдман В.Р. Тэнгрианство как цивилизационная основа помадической государственности. //Социальные процессы в современной Западной Сибири: Сборник научных трудов. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. С. 133-136.

³ Худяков Ю. С. История дипломатии кочевников Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. С. 13.